

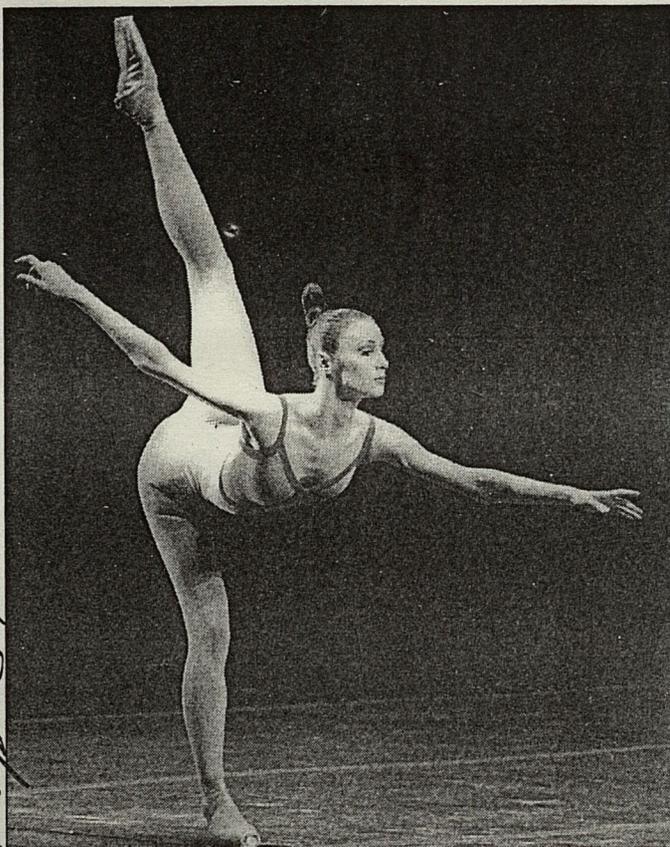
Мариинка танцует Ноймайера

На сцене Большого театра стартовала балетная программа «Золотой маски»

Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»

Фестиваль-2001 представил большой балет двумя труппами (Мариинской и Новосибирской) и тремя спектаклями. Немного для страны с таким количеством академических театров. Чем не понравился организаторам роскошно-красочный казанский «Иусуф» да еще со специально написанной хорошей музыкой (удивительная по нынешним временам редкость)? Или, скажем, баланчиновская «Сомнамбула» профессиональнейшей пермской труппы, ни в каких особых рекомендациях не нуждающейся? Только тем, что вывезти их на столичные сцены хлопотно, а заработать на них нельзя... Пусть нашу национальную премию в области балета обслуживают две столицы. Большой, правда, подвел: кроме нового старого григоровического «Лебединого» не показал ни одной премьеры. Ну и Бог с ним. Обе мариинских аргоги хороши уже потому, что мариинские. А с провинции хватит новосибирской «Коппелии». На проверенный временем опус Лео Делиба зритель пойдет, а Мариинка и вовсе возместит все расходы. Вот только с Ноймайером промахнулись. Балетная Москва — не Гамбург, ноймайеровская вотчина. Ее тонкими эстетскими штучками и фрейдистским самоанализом не возьмешь. Ей подавай то, что блещит, сверкает и эпатирует. Шемякинское «Шелкунчика», например. Вот здесь попадание в «яблочко». Билеты по две тысячи рублей разошлись мгновенно. На Ноймайере же престижные места зияли пустотами, что достоинств спектакля не умаляет, но и не увеличивает. Хотя эксперты иного мнения.

«Три балета Джона Ноймайера Мариинского театра обещают быть самыми «масконосными» нынешней церемонии. Воистину дождь номинаций: лучшей спектакль, лучшая женская роль (Светлана Захарова), лучшая мужская роль (Андрян Фадеев), лучший хореограф (Джон Ноймайер). Последняя — отнюдь не самая бесспорная, как может показаться. И по непредвзятому просмотру и трезвому размышлению вызывает большие сомнения. Во-первых, глава Гамбургского балета — величина такого уровня, что давно уже никакими премиями не озобочен. Его имя — само по себе награда любому фестивалю. На что, очевидно, и был расчет. Во-вторых, эксклюзив для мариинской труппы «Звуки пустых страниц»



Светлана Захарова в балете *Now and Then* («Тогда и сейчас») на музыку Мориса Равеля.

ИТАР-ТАСС. АЛЕКСАНДР КОСИНЦЕВ

Новые известия — 001 — 4 мая — С. 7

(две других композиции *Spring and Fall* и *Now and Then* — перенос спектаклей начала 90-х, невеста почему-то номинируемых десятилетия спустя) — далеко не лучшее его творение. Хотя на фоне унылой равнины отечественной хореографии (из года в год одни и те же имена, изживаемые темы и приемы) даже неудача мастера выглядит сияющей вершиной.

Идея высока: художник в его трагических несовпадениях с реальностью, сложных отношениях с жизнью и смертью. Музыка гениальна (альтовый концерт Шнитке, чьей памяти посвящен балет): будоражащее сочетание распадающейся звуковой материи и божественной барочной секвенции алты. Драматургия стройна: изощренная система пластических метафор, где alter ego героя обозначают несколько персонажей. Одним словом, мастерски скроенная вещь, высокая мода. И все же, все же... От начала до конца не покидает тягостное ощущение заданности и предсказуемости происходящего, узнаваемо-

сти сюжетных ходов и действующих лиц, да и всех знакомых по предыдущим опусам перипетий интеллектуальной рефлексии. Как будто способный ученик делает задание на тему «стиль Ноймайера». Наверняка повлияли на свежесть взгляда организационные неполадки и разногласия с мариинским руководством (несколько раз прерывал работу и уезжал, не обещав вернуться). Но как бы там ни было, Мариинка и «Маска» получили-таки ноймайеровский эксклюзив и, что может быть важнее, очень хорошего танцовщика — Андриана Фадеева. Хореограф не пощадил ни его, ни зрителя, с зоркостью клинициста воспроизведя душевные и физические муки умирающего. Белокурый Фадеев с лицом неискушенного отрока и экспрессией зрелого мужчины не подвел наставника, вытянул спектакль с мужеством, равным стоицизму своего героя. Партнеры Андриана не взяли на себя и малую часть его ноши, что неудивительно. Премьерным пафосом спектакль был обязан другим исполнителям.

В портрете ласковой черной Смерти — Ноймайер обыгрывал уникальную пластику Лопаткиной, ее способность к неправдоподобно длинным линиям и изломанным позам. Дарья Павленко в той же роли до боли напоминает свою антагонистку Музу (Ирина Голуб). Обе — крепконогие брюнетки с соблазнительно округлыми формами и зазывной пластикой сирен. Созерцать их приятно, но не более того.

Зато когда танцует Светлана Захарова, ее непременно хочется чем-нибудь наградить. Потому как невозможно не отметить это чудо природы. Идеальные пропорции, дивные «поюшие» ноги, высокий рост, балеринская стать: все это великолепие в сочетании с хорошей академической выучкой запоминается всерьез и надолго. Скептики ворчат, мол-де «лучшая роль» предполагает не только телесное, но и духовное и даже (страшно вымолвить) интеллектуальное присутствие. Но ведь это смотря какая роль. В искусстве рассказать историю Захарова действительно не сильна. Но в бессюжетном *Now and Then* на музыку Равеля вполне на месте. Хотя ноймайеровская бессюжетность и не предполагает свободы от сюжета (в череде столкновений и встреч героини много жизненных ассоциаций, вплоть до откровенных эротических игр), главное здесь — игра линий, пересечение контрастных пластических ритмов. А в пластической геометрии Захарова хороша.

Что до претензий на лучший спектакль, то премию здесь можно давать за успешный процесс ученичества. Результат еще не вполне достигнут. Ноймайеру, задумавшему приобщить мариинцев к своей балетной вере («я хочу, чтобы публика видела на сцене людей, которые танцуют, а не танцовщиков, которые, кстати, еще и люди»), пришлось преодолеть немалое сопротивление. Отголоски его ошутимы по сию пору. Артисты смело ступают на полную ступню, сгибают колени и отрицают выворотность. Тем не менее и в простодушных играх *Spring and Fall*, и в стакатной динамике *Now and Then* имитация естественной пластики убеждает далеко не всегда. Вымуштрованные в иной системе тела испытывают проблемы. В жизнерадостном беге коренастых девушек нет-нет да и промелькнет манерное изящество сифид, а в физкультурных эспадах мощных юношей ошутимо желание встать в позицию. «Танцовщики» соревнуются с «людьми», и исход интриги пока не ясен.